

УДК 811.161.1'38

С. Л. Попов

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

Закономерности исторического развития вариантов согласования в русском языке

Попов С. Л. Закономірності історичного розвитку варіантів узгодження в російській мові. У статті простежується історичний процес логізації імперативних норм російського синтаксичного узгодження. Аналізуються ортологічні рекомендації щодо такого узгодження в сучасній російській мові. Звертається увага на перманентну логічність узгодження у множині прикметника та дієслова у постпозиції до однорідних членів – іменників і на позбавлення дієслова нелогічного узгодження в однині у передпозиції до однорідних членів – іменників, що відбулося в цілому під сучасну пору. Фіксується кореляція розвитку норм синтаксичного узгодження та прогресу абстрактного і логічного мислення.

Ключові слова: *граматична варіантність, синтаксис, узгодження, діакронія.*

Попов С. Л. Закономерности исторического развития вариантов согласования в русском языке. В статье прослеживается исторический процесс логизации императивных норм русского синтаксического согласования. Анализируются ортологические рекомендации относительно такого согласования в современном русском языке. Обращается внимание на перманентную логичность согласования во множественном числе прилагательного и глагола в постпозиции к однородным членам – существительным и на состоявшееся в целом к настоящему времени избавление глагола от нелогичного согласования в единственном числе в препозиции к однородным членам – существительным. Фиксируется корреляция развития норм синтаксического согласования и прогресса абстрактного и логического мышления.

Ключевые слова: *грамматическая вариантность, синтаксис, согласование, диахрония.*

Popov S. L. The regularities of historical development of coordination variants in the Russian language. The historical process of imperative norms of Russian syntactic coordination becoming logical is traced in the article. Orthologic recommendations for this agreement in modern Russian language are analyzed. Attention is drawn to permanent consistency of agreement of plural verbs and adjectives in postposition to the homogeneous nouns and to liberation of illogical singular verb agreement in preposition to homogeneous nouns. The correlation between syntactic rules of coordination and progress of abstract and logical thinking is analyzed.

Key words: *grammatical variability, syntax, agreement, diachrony.*

Проблемы согласования в русском синтаксисе не раз становились объектом внимания, но их изучение не всегда проникало глубже констатации узуса, сложившегося на тот или иной момент рассмотрения этих проблем. Между тем синтаксическое согласование представляет собой ту область грамматики, где яснее всего видна связь языка и логического мышления. О колоссальном различии между первоначальным и современным состояниями любого языка свидетельствует цитата из знаменитого доклада И. И. Срезневского «Мысли об истории русского языка» (1849 г.): «Язык в первом собрании своем есть собрание звуков без всякого внутреннего строя. Немного звуков, немного и слов, образованных из них, гораздо менее чем представлений, которые бы могли быть ими выражены. Каждое слово стоит в языке отдельно; каждое слово есть само себе корень, несродный с другими. Слова коротки и не подлежат изменениям. Порядок их во фразах случаен. Темно, неопределенно, безотчетно выражает язык жизнь и мысль народа, столь же темную, не-

определенную, безотчетную. Одно и то же слово есть вместе с тем и название предмета, и действия его, и качества, и впечатления, ими производимого в уме, точно так же, как и в уме народа все это остается неотделенным» [20:18]. Приведенные суждения демонстрируют ясное представление ученого о неразрывной связи языка и мышления и полное понимание того, что при неразвитом мышлении развитый язык невозможен.

Историки русского языка, завершая обзоры древних фонетических, лексических и грамматических процессов, неизменно констатируют прогресс абстрактного и логического мышления носителей языка. Этот прогресс не может не затрагивать грамматическую вариантность. Как известно еще из римского права, варианты нормы могут быть императивными (допускающими лишь один вариант из двух) и диспозитивными (допускающими сосуществование вариантов).

Целью настоящей статьи является изучение развития, как наиболее частотных, императивных норм согласования в русском языке.

В истории русского согласования в основном наблюдается логичная смена одних императивных норм другими императивными нормами.

Так, логично покинули русский синтаксис «странные случаи соединения подлежащих – существительных мужского и женского рода со сказуемым – прилагательным среднего рода», например *грех сладко, а человек падко* [23:194]. В. И. Чернышев, критикуя объяснение Ф. И. Буслаева, предложившего неубедительный алгоритм употребления среднего рода прилагательных в таких случаях [3:446], и обращая внимание на то, что «в народе эти пословицы не встречаются», пришел к выводу, что эти странные употребления являются по происхождению кальками-эллинизмами, недолго употреблявшимися в просвещенных слоях общества [23:194–198].

Не сохранилось в русском языке и согласование прилагательных в ж. р. с числительными, которое встречалось, например, в речи М. В. Ломоносова: *каждую пять лет, всякую полгода*. А. М. Пешковский пишет прямо, что «слова *пять, шесть* и т. д. по форме своей, собственно, существительные единственного числа, как *кость, мякоть, пыль* и т. д.» [15:187]. Ф. И. Буслаев считает (и В. И. Чернышев с ним в этом солидарен [23:198–199]), что причиной прекращения подобного согласования стало развитое логическое и «отвлеченное» мышление [3:433–436]. Понятно, что причиной указанного прекращения стало развитие прежде всего «отвлеченного» (= абстрактного) мышления, столь нужного для восприятия количественного аспекта числительных, и лишь затем – на базе прогрессировавшего абстрактного восприятия числа (без помощи разного рода «счетных палочек») – мышления логического.

В древнерусском языке срабатывало лишь семантическое согласование сказуемого с существительным, выраженным существительным ед. ч. с собирательным значением, но в основном в случае его одушевленности и «неживотности», что в целом соответствует стадиям развития категории одушевленности в русском языке (*храбрая дружина рыкають аки тури*) [22:307; 2:352–358; 21:51–52; 12:30–40; 11:379]. С развитием абстрактного мышления, результатом которого становились грамматические обобщения, согласование меняется: «Постепенное угасание к XVII в. смыслового согласования при собирательных именах было связано прежде всего

с общей тенденцией к усилению формально-грамматического согласования за счет смыслового» [12:35]. А. Б. Шапиро отмечает, что в русских народных говорах (середины XX века) наблюдается промежуточный этап в сфере данного согласования: если собирательное существительное обозначает совокупность предметов одушевленных (людей или животных – уже неважно), сказуемое согласуется с ним во мн. ч.; если такое существительное обозначает совокупность предметов неодушевленных – сказуемое употребляется в ед. ч. [25:179–181]. В современном же языке, как известно, все собирательные существительные демонстрируют грамматическое согласование со сказуемым: согласуются с ним только в ед. ч. (об этом специально пишет В. И. Чернышев примерно век назад [24:589]).

Однако в препозиции древнерусского сказуемого к однородным подлежащим чаще всего оно согласуется в ед. ч. с первым подлежащим, имеющим форму ед. ч. (*поиде кнзь Мьстиславъ и Володимиръ*). На эту же особенность указывают Ф. И. Буслаев и А. А. Шахматов [3:447; 26:253]. Ф. И. Буслаев, приведя примеры такого употребления А. С. Пушкиным: *исчезла ревность и досада; поднялся в поле треск и звон; был слышен падших скорбный стон и русских витязей молитвы*, – замечает: «Так свойственно нашей речи это согласование, что в большей части приведенных здесь примеров было бы весьма неприятно слуху и противно употреблению мн. число сказуемого, хотя и согласное с законами логического сочетания понятий. Особенно необходимо единственное число сказуемого при двух или нескольких подлежащих синонимических; напр., *«и будет тогда тебе великий срам и стыд»*, Жук.» [3:447]. Показательно, что Ф. И. Буслаев, нередко упрекаемый в чрезмерном логицизме, в данном случае не только не настаивает на логичной форме мн. ч. сказуемого, но и считает нормальным логически неприемлемое, плеонастическое, связывание соединительным союзом скрещающихся понятий, обозначаемых словами *срам и стыд*. М. В. Ломоносов в середине XVIII века считал допустимым ед. ч. сказуемого даже в постпозиции к однородным подлежащим: *взгляды, рчь и учт и вость часто обольщает* [Ломоносов, с. 556]. В. И. Чернышев высказывается по этой проблеме крайне осторожно: «При нескольких подлежащих сказуемое слитного предложе-

ния, по логическому смыслу речи, должно бы всегда стоять во множественном числе, но оно очень часто встречается и в единственном. Последнее употребление является неотъемлемым свойством нашей речи и никак не должно считаться неправильным» [24:590]. Почему «не должно» – не объясняется. Видимо, потому, что это просто явление узуса, которое следует «благодарно принимать» без осуждения. В современной письменной речи препозитивное сказуемое согласуется с однородными подлежащими только во мн. ч. На этот факт еще в 1976 году указал В. А. Ицкович [10:39], но рекомендация Д. Э. Розенталя употреблять сказуемое в единственном числе, если это сказуемое находится в препозиции к определяемым однородным подлежащим [18:209], в целом поддержанная его последователями [19:198; 9:378–379; 1:246–247], продолжает существовать, хотя примерами современной письменной речи, в частности из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), почти не подтверждается.

В древнерусском языке обычным явлением было несогласование приложения в падеже: *городъ, Москва именуемый; А зовутъ его Власкомъ, Ивановъ сынъ; продалъ однорядку лазореву, поношена, золотаревская* [14:554–555; 3:451–456; 17:203–215; 21:63]. В современном русском языке такое несогласование не встречается (еще А. А. Шахматов указывал на этот факт [26:287–288]).

При согласовании прилагательного с существительным в роде в древнерусском наблюдаются колебания, отмеченные еще М. В. Ломоносовым, который считал допустимыми такие сочетания прилагательных с «презрительными умалительными» существительными, как *наши столишко* и *наше столишко*. В первом случае воспринимается род мотивирующего слова, во втором – мотивированного [14:473–474; 12:161–163]. Согласование по роду мотивирующего слова (преобладающее в современном языке) можно объяснить тем, что при такой деривации в лексическом значении происходит изменение не столько денотата, сколько коннотации, в силу чего грамматическое внимание такому малозначительному изменению не уделяется и род мотивирующего слова сохраняется у производного слова. Разумеется, такое понимание родовой принадлежности слова типа *столишко* возможно лишь при мыслительной операции логического абстраги-

рования от окончания такого мотивированного слова – явно ср. р.

Большинство названий лиц по профессиям или роду занятий – существительные мужского рода. Грамматически и семантически логично согласовывать с ними глаголы и прилагательные в м. р.: *Пришел новый директор*. Со сравнительно недавним обретением мужских профессий женщинами – ситуация постепенно меняется. При этом сами названия профессий показатели женского рода почти не развивают, зато в женском роде начали употребляться вначале глаголы (*Пришла новый директор*), а затем и прилагательные, но со стилистическим ограничением: употреблением только в разговорной речи (*Пришла новая директор*). Попытки преодолеть мужское оформление названий лиц по профессиям деривационно-флективным путем (*Пришла новая директриса* или *директорша*) при всей комфортной непротиворечивости по роду пока не привели к употреблению этих названий в официальной обстановке [10:127–136].

Что касается императивных вариантов согласования, находящихся в стадии преобразования, то они демонстрируют вариантность числа в конструкциях «прилагательное + два существительных» и «два прилагательных + существительное».

М. В. Ломоносов фиксирует современное ему употребление: «Соединенные существительные имена требуют имен прилагательных, местоимений и причастий множественных: *Касторъ и Полуксъ, рожденные от Леды; любезные мои Цицерон и Вергилий*. Однако нередко единственное число с ближним существительным согласно склоняется: *мой отецъ и мать; брат и сестра моя*» [14:554]. Ф. И. Буслаев считает, что *Белое и Черное море* – «приличнее речи разговорной и безыскусственной; – во множественном же, по большей части, принадлежит языку книжному, более обдуманному... Если одно определительное стоит при двух или нескольких определяемых, то, по большей части, согласуется в роде и числе с ближайшим; напр. *«русский ум и сердце», «русское сердце и ум»*. Иногда полагается и во множественном при определяемых ед. ч.; напр. *«старшие сын и дочь»*» [3:450]. А. А. Шахматов приводит примеры из романа Л. Н. Толстого «Война и мир», свидетельствующие о полном согласовании в числе в обеих комбинациях: *скотный и конный дворы; Рязанскую, Тульскую*

и Калужскую дороги; соблюдение степенности и медлительности, свойственных взрослым людям; приготовленные большая вилка и лопаточка [26:304].

В последние полвека из одного ортологического пособия в другое кочует тургеневский пример *Дикий гусь и утка прилетели первыми*. Известна история о заместителе министра культуры СССР, позвонившем на кафедру русского языка факультета журналистики МГУ, чтобы выяснить, правильно ли название журнала «Советская эстрада и цирк», ведь с логической точки зрения цирк в этом сочетании – не советский. Чиновника успокоили не столько тургеневским примером *дикий гусь и утка*, сколько красноречивым партийным свидетельством: «Советская печать, радио и телевидение» [8]. (У русистов имеется и свой профпример: *русский язык и литература*).

Тургеневский пример о *диком гусе и утке* хрестоматиен. При его помощи установка – единственное число прилагательного возможно, если понятно, что оно относится к обоим существительным [18:220–221], – повторяется всеми последователями ученого [19:202–203; 9:384–385; 1:273–274]. Д. Э. Розенталя, развивая идею языковой нормативности такого нелогичного согласования, ставит в пример читателям эмоциональную реакцию Д. Н. Овсянико-Куликовского в 1907 году (в книге «Руководство к изучению синтаксиса русского языка») на предложение *Я давно не видал моих брата и сестру*: «Это не по-русски и режет ухо» (цит. по [18:220]). Однако жесткая позиция Д. Н. Овсянико-Куликовского выглядит крайне субъективной, поскольку по не ясным для нас причинам игнорирует мнения предшественников, например М. В. Ломоносова и Ф. И. Буслаева, по этому поводу, а также многих современных ему носителей языка, считающих нормальным грамматическое отражение в прилагательном количества определяемых им лиц. Современник Д. Н. Овсянико-Куликовского А. А. Шахматов в вышедшем в 1925 и 1927 годах «Синтаксисе русского языка» примерами из Л. Н. Толстого (см. выше) опроверг максимализм Д. Н. Овсянико-Куликовского. Поэтому непонятно, почему цитируемая книга Д. Н. Овсянико-Куликовского Д. Э. Розенталем была замечена, а насыщенный примерами из произведений русских классиков «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова – нет. По мнению Д. Э. Ро-

зенталя, «из двух вариантов: *Мой отец с матерью приехали сюда* и *Мои отец с матерью приехали сюда* предпочтительнее первый» [18:220]. По какой причине он предпочтительнее – не объясняется. Примеры НКРЯ показывают, что современные носители не руководствуются рекомендацией Д. Э. Розенталя в отношении употреблений *мой отец с матерью* при самостоятельности обоих родителей или указанием правильности конструкции *мой брат и сестра* от Д. Н. Овсянико-Куликовского.

Поскольку нелогичность наблюдается только в случае препозиции прилагательного или глагола к определяемым существительным и чаще в речи устной, то есть неподготовленной, логично заключить, что в этих случаях говорящий фиксирует свое внимание на ближайшем существительном лишь потому, что «близорукое не замечает» второе существительное, следующее за ближайшим (психолингвистическое объяснение этого явления – см. в [16]).

Изучение узуальных примеров позволяет заметить, что «близорукое препозитивное согласование в числе» уже преодолевают прилагательные *качественные*: употребления типа *испуганные гусь и утка, замечательные эстрада и цирк* встречаются чаще противоположных. Наибольший консерватизм обнаруживают прилагательные *относительные*, по своей природе «указательные», то есть менее абстрактные, чем прилагательные *качественные*. Тем не менее, как замечает В. В. Виноградов, «грамматическая граница между качественными и относительными прилагательными очень подвижна и условна» [5:175]: развивая качественные значения, относительные прилагательные становятся более абстрактными. Кроме того, в НКРЯ имеются примеры, демонстрирующие избегание нелогичности конструкций с препозитивным относительным прилагательным пусть даже ценой громоздкости конструкции: *русский язык и русская литература*.

По мнению Л. С. Выготского, неоднократно подчеркивавшему связь логического мышления и языка, «отсутствие грамматических форм в речи служит явным признаком того, что в речевом мышлении и обозначении ребенка отсутствует указание на связи и отношения между предметами и явлениями, потому что именно грамматические формы являются знаками, выражающими эти связи и отношения...» [6:51]. Об этом же за не-

сколько десятилетий до появления цитируемой работы Л. С. Выготского в одной из своих лекций, записанных Н. Г. Чернышевским (в его бытность студентом), говорил и И. И. Срезневский: «...чем отдаленнее от детского разума какие-нибудь понятия или представления, тем менее и в доле языка, им усвоенной, слов, которыми можно их выразить...» [13:104].

Л. С. Выготский формулирует также важный для наших целей нейробиологический закон: «если внутри психомоторной сферы действие высшей инстанции становится слабым функционально, то самостоятельной становится ближайшая низшая инстанция с собственными примитивными законами» [7:286]. Логично допустить, что «действие высшей инстанции» может не только ослабевать, но и само по себе «не достигаться» в ходе развития. И тогда человек закономер-

но остается на низшей стадии с ее «примитивными законами». На более низкой стадии в отдельных своих аспектах может оставаться и человеческий язык, но, как можно убедиться, далеко не всегда надолго.

Таким образом, в истории русского синтаксиса, в том числе новейшей, императивные, но нелогичные варианты согласования постепенно меняются на свою ранее запретную, но логичную противоположность. Трудно не согласиться с мнением Ф. И. Буслаева, выраженным в его рецензии на «Мысли об истории русского языка» И. И. Срезневского: «С успехами народного мышления... синтаксис... подчиняется отвлеченным категориям логики» [4:45].

Представляет интерес дальнейшее изучение влияния логики как строя человеческого мышления на грамматику как строй человеческого языка.

Литература

1. Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка / Ю. А. Бельчиков. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. — 424 с.
2. Борковский В. И. Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. — 2-е изд., доп. — М. : Наука, 1965. — 554 с.
3. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. — М. : Учпедгиз, 1959. — 623 с.
4. Буслаев Ф. И. Рецензия на «Мысли об истории русского языка» И. И. Срезневского / Ф. И. Буслаев // Отечественные записки. — СПб, 1850. — Т. LXXII. — Октябрь. — Отд. V. — С. 31—58.
5. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): [учеб. пособие для вузов]. — 3-е изд., испр. / В. В. Виноградов. — М. : Высш. шк., 1986. — 640 с.
6. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте: Психол. очерк: Кн. для учителя / Л. С. Выготский. — 3-е изд. — М. : Просвещение, 1991. — 93 с.
7. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Детская психология / Под ред. Д. Б. Эльконина / Л. С. Выготский. — М. : Педагогика, 1984. — 432 с., ил.
8. Говорим по-русски. Передача-игра: Нормативные словари и норма: как нам со всем этим быть? (стенограмма от 06.09.2009 г., радио «Эхо Москвы») Режим доступа : <http://www.echo.msk.ru/programs/speakrus/617358-echo/>.
9. Голуб И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. — 8-е изд. — М. : Айрис-пресс, 2007. — 448 с.
10. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. — 2-е изд., испр. и доп. / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. — М. : Наука, 2001. — 557 с.
11. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка: Учеб. для студентов филол. спец. фак. ун-тов и пед. ин-тов. — 2-е изд., испр. и доп. / В. В. Иванов. — М. : Просвещение, 1983. — 399 с., ил.
12. Историческая грамматика русского языка / Под ред. В. И. Борковского. — М. : Наука, 1978. — 448 с.
13. Лекции И. И. Срезневского по истории русского языка в записи Н. Г. Чернышевского. История русского языка. Курс 1849—50 года. Составлял г. Чернышевский // Срезневский И. И. Русское слово: Избр. труды: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Сост. Н. А. Кондрашов. — М. : Просвещение, 1986. — С. 88—132.
14. Ломоносов М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. — Т. 7. Труды по филологии 1739—1758 гг. — М.—Л. : Изд-во АН СССР, 1952. — С. 389—578.

15. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — 7-е изд-е. — М. : Учпедгиз, 1956. — 512 с.
16. Попов С. Л. *Изучаются русский язык и литература*: «грамматическая близорукость» препозитивного согласования в числе прилагательного с однородными членами – существительными / С. Л. Попов // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — № 994, серія «Філологія», вип. 64. — Харків, 2012. — С. 66—71.
17. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного / А. А. Потебня. — М. : Просвещение, 1968. — 552 с.
18. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. — 4-е изд., испр. — М. : Высш. школа, 1977. — 316 с.
19. Солганик Г. Я. Практическая стилистика русского языка : учеб. пособие для студ. филол. и жур. фак. высш. учеб. заведений / Г. Я. Солганик. — 4-е изд., стер. — М. : Издательский центр «Академия», 2010. — 304 с.
20. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка / И. И. Срезневский. — М. : Учпедгиз, 1959. — 135 с.
21. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. Учеб. пособие для пед. ин-тов и филол. фак. ун-тов / А. Н. Стеценко. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Высш. школа, 1977. — 352 с.
22. Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка / П. Я. Черных. — 3-е изд. — М. : Учпедгиз, 1962. — 376 с.
23. Чернышев В. И. О нарушении согласования в русском языке / В. И. Чернышев // Чернышев В. И. Избранные труды в 2 т. — Сост. А. М. Иорданский, В. Г. Костомаров, И. Ф. Протченко. — Т. 1. — Вступит. статья акад. В. В. Виноградова. — М. : Просвещение, 1970. — С. 194—210.
24. Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики / В. И. Чернышев // Чернышев В. И. Избранные труды в 2 т. — Сост. А. М. Иорданский, В. Г. Костомаров, И. Ф. Протченко. — Т. 1. — Вступит. статья акад. В. В. Виноградова. — М. : Просвещение, 1970. — С. 443—641.
25. Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложений / А. Б. Шапиро. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. — 318 с.
26. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. — Л.: Учпедгиз, 1941. — 606с.

УДК 811.161.1-119(045)

Е. В. Ситникова

*Институт филологии Киевского национального университета
имени Тараса Шевченко*

Полевой принцип организации единиц внутреннего лексикона человека

Ситникова О. В. Полевой принцип організації одиниць внутрішнього лексикону людини. Особливим способом зберігання мови у свідомості людини є внутрішній лексикон, опис якого моделює вербальну пам'ять і мовну свідомість носіїв певної мови, відкриваючи завісу над тим, як влаштована мовна здатність людини, що думає, говорить, розуміє. Одним із принципів організації внутрішнього лексикону людини є польова будова його одиниць. У даній статті розглядаються різні класифікації визначальних компонентів структури асоціативних полів – асоціативних зв'язків. Класифікації асоціацій аналізуються з позицій цілеспрямованості, підстави, предмета, структури класифікації, враховується також спосіб проведення аналізу даних.

Ключові слова: внутрішній лексикон людини, польовий принцип, асоціативне поле, асоціативні зв'язки, класифікації асоціацій.